

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук Куриловой Анны Дмитриевны
на тему: «Российские рукописные риторики XVIII века на латинском
языке»
по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая
филология»

Рукописные фонды отечественных библиотек: Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, библиотек различных городов России хранят богатейший материал, ценность которого до сих пор не определена в полной мере и который еще во многом остается неизученным. Всякое научное исследование, связанное с описанием и анализом неизвестных рукописных источников из российских собраний имеет неоспоримую актуальность и научную ценность. Диссертация А.Д. Куриловой принадлежит к работам именно такого рода. В ней впервые вводится в научный оборот 10 рукописных памятников, не изучавшихся ранее. К практической значимости описания и анализа новых источников добавляется важное теоретическое значение диссертации А.Д. Куриловой, которое определяется характером текстов этих памятников. Диссертант изучает рукописные риторические руководства, которые были созданы в России в 40–60-е гг. XVIII в. (самая ранняя из анализируемых риторик датирована 1727 г., самая поздняя — 1766 г.; изучаются рукописные риторические, созданные в Московской Славяно-греко-латинской академии, Вологодской, Нижегородской, Рязанской, Коломенской семинариях и в Смоленском иезуитском коллегии).

Как мы помним, в Западной Европе античное красноречие было частью того фундамента, на котором органичным образом росла и развивалась как

средневековая культура, так и культура Нового времени. Но в славянском мире античное наследие было чужеродным, принесенным извне, элементом. Представление об античной риторической традиции проникло на Русь поздно, только в первой половине XVII века. Именно в это время на Руси начинают создаваться первые риторические трактаты. Большинство этих трактатов отражали содержание курсов риторики в учебных заведениях. Они составлялись преимущественно на двух языках: латинском и церковнославянском. Так, на латинском языке был написан курс Феофана Прокоповича «De arte rhetorica» (1706–1707). Церковнославянские риторические трактаты в большинстве своем представляли собой переводы и переложения западных руководств. Среди них — первая российская риторика (1620 г.) и Риторика Усачева 1699 г.

Вопрос, который ставится и решается в диссертации А.Д. Куриловой, состоит в том, каким образом традиция западных руководств по риторике, проникшая в Россию, воспринималась, приживалась, преподавалась и перерабатывалась в российских учебных заведениях, как она взаимодействовала с живым русским языком и с церковнославянским языком. Этот вопрос имеет не только собственно риторическую и лингвистическую составляющую, но и сопряжен с общекультурным компонентом. Рассмотрение избранных риторических рукописных руководств служит необходимым фундаментом для изучения масштабной проблемы — формирования в России собственного красноречия, приложения правил и предписаний западных латиноязычных риторик к условиям и требованиям российской реальности. Кроме того, затрагивается вопрос о методологии преподавания риторики в России в XVIII в.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка использованной литературы. Во Введении дается общая характеристика работы, формулируются цели и задачи исследования. Первая глава посвящена рассмотрению общей композиции анализируемых десяти риторических руководств, а также выявлению их источников среди

сочинений античных авторов, христианской литературы и известных западных риторических руководств. Во второй главе изучаются содержание риторик и методологические принципы обучения красноречию. Третья глава затрагивает вопрос о различных жанрах красноречия в интерпретации авторов изучаемых рукописных риторик, о различии между классификацией античного красноречия (торжественное, судебное, совещательное) и жанрами красноречия, актуальными для XVIII в., когда на первый план выходит деление на светское и духовное красноречие, с его различными проявлениями: академическое, политическое, церковное, общее, «любезное» (официальное) и пр. красноречие. Во всех главах исследования проводится сопоставление изучаемых риторических руководств друг с другом. В заключении излагаются выводы проведенного исследования. Список литературы насчитывает 255 наименований.

Анализ избранных рукописных руководств второй половины XVIII в. позволил диссертанту сделать серьезные выводы. Примечательно, что при наличии печатных изданий западных риторических руководств в учебных заведениях России преподаватели ежегодно создавали свой «авторский» курс красноречия, который «тиражировался» посредством переписывания от руки. Степень свободы этого курса прекрасно проанализирована в диссертации — российские рукописные риторик в значительной степени опираются на традицию западных риторических руководств и иезуитскую методику обучения, но при этом допускают примеры на русском языке и русские реалии. Материал западных риторик перерабатывался и при необходимости упрощался применительно к учебному процессу. Важным выводом, на наш взгляд, является наблюдение диссертанта, что риторика М.В. Ломоносова была известна составителям рассматриваемых в диссертации руководств и, следовательно, уже оказывала определенное влияние на курсы риторик, которые читались в учебных заведениях России в 50–60-е гг. XVIII в.

Кропотливое и в высшей степени аккуратное исследование, предпринятое А.Д. Куриловой, безусловно заслуживает самой высокой

оценки. Наши замечания, которые возникли при чтении диссертации, носят главным образом рекомендательный характер.

В вводной главе диссертации нам не хватило хотя бы краткого описания материальной стороны изучаемых рукописных памятников, в частности, палеографического описания, которое бы содержало указание на тип и характер письма, число почерков (при наличии), общее оформление текста, краткую характеристику ошибок переписчика, кодикологические характеристики (наличие или отсутствие переплета, наличие владельческих помет и штампов и пр.). Эти сведения в работе присутствуют, но приводятся спорадически и привлекаются к анализу только в необходимых для хода рассуждения диссертанта местах. Их свод для каждого отдельного памятника способствовал бы более целостному впечатлению о рукописи.

С этим замечанием сопряжен и вопрос о личности переписчика и личности автора каждого из разбираемых в диссертации риторических руководств. Возможно ли решить, какие риторики переписаны профессиональным писцом на заказ, какие автором курса, какие студентом? В связи с этим понятие «ритор», которое употребляется в диссертации для обозначения автора данного конкретного риторического руководства, возможно, следовало бы обсудить и определить. Конечно, понятно, что когда анализируется текст, т.е. содержательная сторона руководства, то имеется в виду его автор, а не переписчик. В то же время, если автор текста и переписчик рукописного памятника не совпадают (т.е. не являются одним и тем же лицом), то их следовало бы разделить в описании (если это возможно) или отметить, что это невозможно. Если разделение автора курса и переписчика или студента возможно, то анализ ошибок, которые возникали при переписывании (например, смешение дифтонга *ae* и гласного *e*, написаний *ti* и *ci* и пр.) дает принципиально разный результат, так как свидетельствует об уровне владения латинским языком.

Анализ источников, которые привлекались для написания того или иного курса риторики, тоже имеет несколько дискуссионных аспектов. Когда

речь идет о цитатах римских авторов (из которых первое место занимает Цицерон), возникает вопрос о том, приводится ли цитата по изданию Цицерона, или тот или иной пример извлекается из западного руководства по риторике.

Для иллюстрации приведем такой пример. Автор Вологодской риторики (1764 г.) в качестве примера высокого стиля приводит, в частности, речь Цицерона *De lege Manilia* (стр. 44 диссертации). Диссертант отмечает, что этот пример является заимствованием из сочинения И.-Г. Гейнекия «Основы утонченного стиля» (*Fundamenta stili cultioris*; 1719 г.). Это действительно заимствование, потому что сам Цицерон в своем трактате «Оратор» относит речь о Манилиевом законе к умеренному стилю:

is erit igitur eloquens, ut idem illud iteremus, qui poterit parva summis, modica temperate, magna graviter dicere. tota mihi causa pro Caecina de verbis interdicti fuit: res involutas definiundo explicavimus, ius civile laudavimus, verba ambigua distinximus. fuit ornandus in Manilia lege Pompeius: temperata oratione ornandi copiam persecuti sumus. ius omne retinendae maiestatis Rabirii causa continebatur: ergo in ea omni genere amplificationis exarsimus (Cic. or. 101–102).

«Скажем еще раз: это будет такой оратор, который о малом сможет говорить скромно, о среднем умеренно, о великом важно. Вся моя речь за Цецину была посвящена словам интердикта: мы разъясняли скрытый смысл определениями, ссылались на гражданское право, уточняли двусмысленные выражения. По поводу Манилиева закона мне нужно было восхвалять Помпея: средства для восхваления дала нам умеренная речь. Дело Рабирия давало мне полное право коснуться величия римского народа: поэтому здесь мы дали полную волю разливаться нашему пламени» (пер. М.Л. Гаспарова).

В данном случае можно точно сказать, что автор Вологодской риторики следует за Гейнекием, не зная и не привлекая трактат Цицерона. Возможно, стоило бы обратить внимание на аналогичные примеры и в других случаях. Мы имеем в виду выявление мест, когда цитата из оригинального сочинения античного автора не совпадает с цитированием его

текста по тому или иному известному риторическому руководству (где она приводится, например, в искаженном, сокращенном, немного измененном и т.п. виде). Такая работа позволила бы разграничить источники рукописных риторик и разделить случаи прямого и непрямого цитирования античных авторов. Конечно, это возможно далеко не всегда и скорее всего является делом будущих исследований.

В заключение отметим, что диссертация А.Д. Куриловой, безусловно, является новаторским и в высшей степени компетентным научным исследованием. Выводы диссертации убедительны и не вызывают возражений. Многие выводы работы являются подлинными научными открытиями, значимыми в мировой науке. Положения, выносимые на защиту, можно считать доказанными. Отметим тщательность и глубину анализа источников, эрудицию диссертанта и владение научной литературой.

Основные положения работы неоднократно и успешно излагались на многочисленных общероссийских и международных конференциях и раскрыты в статьях, число и качество которых убедительно показывают высокую квалификацию их автора.

Автореферат и публикации автора в должной мере отражают содержание диссертации.

Высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Курилова Анна Дмитриевна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры классической филологии филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»
АНТОНЕЦ Екатерина Владимировна

25 ноября 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.02.14 — «Классическая филология, византийская и новогреческая филология»

Адрес места работы:

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени
М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)
Тел.: +7 (495) 939-20-06; e-mail: classic.philol@org.msu.ru

Подпись сотрудника филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Екатерины Владимировны Антоненц удостоверяю:
кадровый работник